

Заметив, как понурился младший после его слов, Лянь Цзяньюэ мягко улыбнулся, пытаясь его утешить:

— К тому же, раз ты, шиди, так печёшься обо мне и столько думаешь о моём будущем, мне грех жаловаться. Иначе это было бы верхом неблагодарности, не находишь?

Синшань промолчал, но заметно приободрился.

Глядя на шиди, Цзяньюэ невольно вспомнил его детство. Родители Синшаня погибли в автокатастрофе, когда тот был совсем ребёнком. Его мать связывали узы названного братства со старым мастером Бянем. Узнав о трагедии, Бянь Жугоу тут же помчался в Ханчжоу, взял на себя все расходы и хлопоты по устройству похорон. Материнские родители мальчика к тому времени уже ушли из жизни, а отцовские едва перешагнули порог семидесятилетия. Потеряв единственного сына на склоне лет, они были раздавлены горем и сами нуждались в уходе — куда им было растить внука? Отец и мать Синшаня работали простыми учителями физкультуры в начальной школе: ни собственного жилья, ни сбережений. Старики и раньше-то жили на их помощь, а теперь, оставшись без кормильца, испугались, что обрекут сироту на нищету. Встретившись с Бянь Жугоу, они со слезами на глазах умоляли его забрать мальчика в ученики — пусть хотя бы обучит ремеслу, чтобы тот мог прокормить себя в будущем. Обустроив старость стариков, мастер Бянь увёз Синшаня в горы и сделал своим четвёртым учеником.

Бянь Жугоу, человек широкой и верной души, в обучении признавал лишь один метод — суровую закалку. Жизнь его воспитанников состояла из бесконечного тяжёлого труда: таскать воду, рубить дрова, раздувать меха у жаркого горна. К тому же старик ревностно чтит правила приличия. Поведение, манеры, повседневный быт — во всём царил строгий устав, отступление от которого каралось мгновенно. Стоило ученику оступиться или сделать что-то не по нраву учителю, в ход шло всё, что подворачивалось под руку: бамбуковая розга, верёвка, палка или даже раскалённое клеймо. Побои и брань были обычным делом.

В родном доме Синшань хоть и не купался в роскоши, но никогда не знал черновой работы — родители берегли его. Оказавшись в Усадьбе Клана Бянь, десятилетний мальчик за несколько дней стёр ладони топором в кровавые мозоли, а его худые плечи покрылись тёмными синяками от тяжёлого коромысла. К тому же его то и дело наказывали: то за упавшую на стол рисинку во время обеда, то за слишком громкий голос в разговоре со старшими. Мальчик тосковал по погибшим родителям и часто плакал навзрыд, но стоило мастеру Бяню увидеть его слёзы, как тут же следовал гневный окрик:

— Настоящий мужчина слёзы не проливает! Не смей реветь! Твоя старшая шицзе в твои годы за десять минут успевала четыре раза сбегать к ручью, наполнить пол-кадки да наколоть поленницу дров! А ты слабее девчонки! И ещё смеешь плакать!

Синшаню ничего не оставалось, кроме как плакать тайком, укрывшись от чужих глаз. Каждое утро он просыпался с опухшими, красными веками.

К тому времени Лянь Цзяньюэ учился у мастера уже девять лет. Зная печальную судьбу мальчика, он искренне ему сочувствовал. Видя, как этот худенький, хрупкий ребёнок, шатаясь под тяжестью коромысла, бредёт по крутой горной тропе, то и дело спотыкается, проливает с трудом добытую воду и сдирает кожу на локтях и коленях, Цзяньюэ вспоминал собственные первые годы в Усадьбе Клана Бянь и те муки, через которые прошёл сам. Пожалев сироту, он стал втайне помогать ему: колол за него дрова, таскал воду, приносил из леса спелые дикие ягоды и печёные каштаны. Вдвоём они ухаживали за раненой косулей, которую прятали в пещере у ручья, собирали куколки гусениц, ловили бабочек и цикад. Цзяньюэ не раз брал на себя вину младшего перед суровым учителем. Годы шли, и их дружба крепла. Синшань привязался к старшему брату всей душой, постоянно переживал о его слабом здоровье и искренне восхищался его мастерством в кузнечном деле.

Цзяньюэ понимал: ши́ди сокрушался лишь потому, что искренне желал ему успеха и жалел о потерянной возможности проявить себя перед старейшинами. Но сам он никогда не рвался в преемники школы. То, что он сказал Синшаню, было чистой правдой. И всё же мысль о том, что этот выросший на его глазах мальчишка так сильно о нём печётся — что в этом мире вообще есть кто-то, кому он небезразличен, — согревала сердце Лянь Цзяньюэ, делая их духовную связь ещё крепче.

К этому времени они уже подошли к Усадьбе Клана Бянь. В доме царил тишина. Во внутреннем дворике на верёвках сохли два новых ряда белья, а в одном из окон второго этажа, на западной стороне, теплился мягкий свет.

— Иди отдыхай, — негромко сказал Цзяньюэ.

В его ровном голосе прозвучало мягкое напутствие, но Синшань снова погрузился. Опустив глаза, он пробормотал:

— Бабушка Ци прислала лекарство для тебя. Оно уже пришло, я принесу.

Цзяньюэ хотел было отказаться — посылки с лекарствами всегда складывали в одно и то же место, он вполне мог забрать её сам, — но, взглянув на ши́ди, передумал. В полумраке его некогда ясные чёрные глаза казались подёрнутыми туманной дымкой, словно из них ушёл весь привычный блеск. Цзяньюэ решил не спорить.

Синшань привычным движением повесил свои парные сабли на оружейную стойку на заднем дворе и торопливо зашагал к передней части дома. Цзяньюэ последовал за ним в просторный внутренний двор-колодец. Стоявший там прежде стол Басянь уже убрали, но в коридоре всё ещё горела тусклая лампочка. Синшань скользнул на кухню. Подняв оставленный у порога рюкзак, Цзяньюэ тоже направился туда.

Войдя в кухню, Цзяньюэ застал ши́ди на корточках перед старым деревянным ларем.

— Брось грязные вещи в машинку, — не оборачиваясь, бросил Синшань.

Цзяньюэ принялся выкладывать из рюкзака собранные по дороге травы:

— Не нужно, я позже постираю руками. Уже поздно, машинка будет слишком шуметь.

— Тогда оставь на завтра, — отозвался Синшань, доставая из глубин ларя деревянную шкатулку.

Цзяньюэ промолчал. Отодвинув шуршащую бамбуковую занавеску в углу кухни, он шагнул в смежную комнатку и щёлкнул выключателем. Синшань вошёл следом за ним, не выпуская из рук коробку:

— Если нужна вода, возьми из моей кадки.

Вместо ответа Цзяньюэ молча указал пальцем на стену, где висела деревянная дощечка с вырезанными на ней зелёными иероглифами.

— Ну ты же только с дороги! — с досадой воскликнул Синшань. — Тебе отдохнуть надо. Сам ведь жалуешься на здоровье, а теперь собрался в крошечной тьме идти к ручью? Если свалишься от усталости, кто будет работать в кузне? Сроки погорят, и мастер спустит с нас три шкуры. К тому же, если мы промолчим, учитель ничего не узнает.

Синшань тяжело вздохнул:

— Шисюн, ну нельзя же быть настолько упрямым!

Похоже, он действительно не на шутку рассердился. Прижав шкатулку к груди, он отвёл взгляд и насупился.

На дощечке красовалась каллиграфическая надпись: «Уединённое совершенствование». Под ней выстроились шесть массивных глиняных чанов для воды, плотно прикрытых деревянными крышками. На каждой крышке белел бумажный ярлык с именами, выведенными тушью. Начиная слева, на них значилось: «Бянь Жугоу, Минмин», затем «Бянь Шичжэнь, Чжао Ючжи», а дальше следовали отдельные кадки: «Лянь Цзяньюэ», «Синшань» и «Цюань Суя».

Синшань стоял как раз возле кадки с именем старшего брата.

— По правде говоря, я по дороге толком не поел, — мягко проговорил Цзяньюэ. — Если не

хочешь спать и тоже проголодался, давай перекусим вместе?

Синшань наконец оттаял, на его губах появилась слабая улыбка, и он согласно кивнул. Цзяньюэ покосился на узкую деревянную лестницу в северном углу комнатки:

— Я поднимусь, оставлю вещи и быстро ополоснусь.

Второй этаж представлял собой просторную мансарду, где у восточной и западной стен стояли две простые односпальные кровати. Та, что у западной стены, принадлежала Цзяньюэ, а вторая пустовала — от неё остался лишь голый деревянный каркас. Раньше здесь спал второй шисюн, Чжао Ючжи, но после свадьбы со старшей шицзе Бянь Шичжэнь он перебрался к жене во флигель на заднем дворе. Из обстановки в комнате имелись лишь старый платяной шкаф да массивный письменный стол. У изголовья пустующей кровати всё ещё висел веер из сандалового дерева с длинной алой шёлковой кистью на рукояти. Больше никакого убранства здесь не было.

Цзяньюэ быстро разложил вещи, взял чистую сменную одежду и спустился на первый этаж в душевую. Когда он вышел, то обнаружил у входа в кухню маленький квадратный столик и две бамбуковые табуретки. На столе уже дымилась глубокая пиала с лапшой. Цзяньюэ заглянул внутрь кухоньки, откуда как раз торопливо выходил Синшань, неся в одной руке банку пива, а во второй — чистое сухое полотенце. Усадив старшего на табурет, младший принялся заботливо вытирать его мокрые волосы. Цзяньюэ слегка смутился от такого внимания и в шутку заметил:

— Знай я, что после каждой поездки меня ждёт такой тёплый приём, уезжал бы почаще.

— Да вот Суя на днях сожгла фен старшей шицзе, — вздохнул Синшань, усердно орудуя полотенцем. — А так высушили бы в один миг.

— Слишком много шума от него, — отозвался Цзяньюэ, делая первый глоток наваристого бульона.

— Так шицзе новый заказала, бесшумный.

— И что, совсем не гудит?

— Ни капельки.

— Врёшь. Сам проверял?

— Честное слово! Видел, как Суя сушила волосы. А ещё мы договорились в следующий раз купить вентилятор без лопастей. Учитель посмотрел на картинку и заявил, что сам такой соберёт. Теперь целыми днями у себя в комнате чертежи набрасывает.

Цзяньюэ негромко рассмеялся и принялся за еду. Синшань вдруг замер, уставившись под ноги, а потом удивлённо спросил:

— Шисюн, глянь-ка. Это углубление в полу... неужели ты столько лет сидел здесь с мокрыми волосами, что капли пробили камень?

Цзяньюэ обернулся. Оба наклонились, разглядывая крошечную выемку в серой плите под ногами. Цзяньюэ осторожно коснулся её пальцем. Синшань указал чуть в сторону:

— Смотри, вон там ещё парочка. А, понял! Это же от мокрого белья, когда ты вешал его сушиться.

Отодвинув табурет, Цзяньюэ заглянул под него:

— Точно. И под ножкой тоже есть.

Он сделал глоток прохладного пива, довольно улыбнулся и, шутливо сложив ладони перед грудью на манер буддийского монаха, покачал головой:

— Ну всё, судя по этим следам, мне суждено остаться в этих горах навечно и обрести здесь просветление.

Синшань посмотрел на него серьёзным, немигающим взглядом:

— Шисюн, а тебе никогда не хотелось уйти отсюда? Насовсем.

— Так я и так постоянно спускаюсь в город, — пожал плечами Цзяньюэ.

— Да нет, я о другом... — Голос Синшаня дрогнул, но он быстро взял себя в руки: — Неужели ты планируешь провести здесь всю жизнь?

— Но ведь учитель прожил тут почти весь свой век, — с улыбкой возразил Цзяньюэ. Заметив, как поскущнел младший, он мягко добавил: — Пойми, мы в разном положении. У меня внизу никого не осталось. Я пожил в большом мире и знаю, каков он. Быть здесь, помогать учителю и заботиться о нём для меня куда большая радость, чем скитаться на чужбине.

Он потрепал шиди по плечу:

— Учитель сам говорил, что через пару лет ты завершишь обучение. Он не станет держать тебя в этой глуши. Спустишься в город, будешь ближе к дедушке с бабушкой. Откроешь небольшую мастерскую — с твоим талантом от клиентов отбою не будет. А по праздникам станешь

навещать нас.

Синшань молча опустил голову и принялся задумчиво водить пальцем по выбоине в каменном полу. Цзяньюэ продолжил:

— Даже если решишь бросить кузнечное дело — не беда. У тебя есть высшее образование, найдёшь хорошую работу, заживёшь своей жизнью. Наш наставник больше не цепляется за древние догмы. Мир изменился, и он это прекрасно понимает.

— Помню, как учитель вдруг велел мне пойти в поселковую школу, а потом сдать экзамены в старшие классы и поступить в университет. Я тогда всерьёз решил, что он хочет выгнать меня из школы кузнецов.

Синшань поднял голову, его лицо просветлело:

— Да-да, я отлично это помню! Ты тогда совсем исхудал, кусок в горло не лез. Даже ходил к шицзе жаловаться. Я тогда впервые увидел твои слёзы. Честное слово, я обомлел! Всегда думал, что мой третий шисюн — человек-камень, которому чужды слабости, а ты, оказывается, тоже умеешь плакать.

Цзяньюэ весело рассмеялся:

— Это уже потом выяснилось, что старый мастер Чжуан из Чанша возглавил университет в Ханчжоу и непременно хотел привлечь нашего учителя преподавать химическую технологию и материаловедение. Вот учитель и заставил меня поступать именно туда. Когда я прошёл отбор, мы вместе уехали в Ханчжоу на четыре года. Мне кажется, именно там он сильно переменялся.

Синшань согласно закивал, погружаясь в воспоминания:

— Да, вернувшись, учитель и меня отправил учиться. А ещё провёл в Усадьбу Клана Бянь электричество, подключил интернет и строго велел не отставать от прогресса. Старшая шицзе тогда и радовалась, и сердилась одновременно...

При упоминании Бянь Шичжэнь Синшань внезапно запнулся. Прикусив губу, он отвёл взгляд и поспешно кивнул на тарелку:

— Давай ешь быстрее, а то лапша совсем разбухнет и станет невкусной.

Цзяньюэ улыбнулся и принялся за еду. Вернувшись к остывающей лапше, он быстро опустошил пиалу, выпив весь бульон до последней капли. Убрав посуду и протерев столик, братья разошлись у внутреннего дворика. Цзяньюэ отыскал в кладовой деревянные вёдра и коромысло и вышел за ворота.

Горные склоны изобиловали чистыми ручьями. Набрав воды из ближайшего источника, Цзяньюэ вернулся в дом. Он тщательно выстирал дорожную одежду и развесил её сушиться во дворе-колодце. Закончив, он снова опустил взгляд на каменные плиты под ногами, присел на корточках и бережно коснулся пальцами неровных щербин.

В этих выемках, затянутых по краям нежным изумрудным мхом, сквозило что-то неуловимо родное. В груди Цзяньюэ затрепетало странное, щемящее чувство. Он вдруг ощутил себя деревом. Да, его зерно когда-то проросло на далёком севере, в холодной Каменной деревне, где жил его отец, Лянь Уцэн. Но вырастили его здесь, среди этих туманных вершин провинции Чжэцзян, где он провёл долгих двадцать пять лет под крылом Бянь Жугоу. Его корни глубоко ушли в эту каменистую почву, оплели вековые скалы и фундамент Усадьбы Клана Бянь. И уходить отсюда он не желал.

Поднявшись к себе в мансарду, Лянь Цзяньюэ лёг в постель и мгновенно уснул крепким, безмятежным сном.

<http://bllate.org/book/19697/1988498>